

Чжао Цзэ, оправдываясь своим опьянением, не удержался и снова коснулся лица маленького императора. Обласкав его долгим взглядом, он укрыл его и плотно подоткнул одеяло.

Когда он вышел из дворца, прохладный ветерок остудил его лицо и Чжао Цзэ протрезвел. Осознав, что он только что сделал, мужчина дрожащими кончиками пальцев коснулся собственных губ, словно на них все оставалось прикосновение.

Он должен бы испугаться и раскаяться, совершив такой проступок, но сердце своенравно ликовало.

Молодой евнух, охранявший снаружи покои императора, поклонился и спросил, не хочет ли он остаться на ночь.

Когда император с министрами обсуждал важные дела, это обычно происходило поздно ночью, поэтому во дворце была подготовлена комната для министров.

Чжао Цзэ оглянулся на покои императора, но покачал головой.

— В этом нет необходимости.

Пока он был в армии, он часто мечтал вернуться. Тогда он думал, что ему будет достаточно находиться рядом с маленьким императором и иметь возможность видеть его каждый день. Однако, когда они встретились, он понял, что ему этого недостаточно и хочется большего.

Он прикрыл глаза рукой и глубоко вздохнул. Иногда он невольно думал, что было бы хорошо, если бы он не читал все эти книги и не учил этикет в прошлом. Если бы ему не привили всю эту мораль отношений между правителем и слугой, то в то время, когда он нравился маленькому императору, возможно... он бы согласился.

Вернувшись домой, Чжао Цзэ не смог уснуть и проворочался в своей кровати почти до утра.

На следующий день на утренней аудиенции у императора он стоял довольно близко к нему и мог отчетливо разглядеть, что губы маленького императора гораздо ярче, чем обычно. Он немного виновато склонил голову и за все время не проронил ни слова.

Министры, глядя на такое поведение, решили, что он намеренно избегает внимания, пытаясь развеять опасения государя.

Сян Хань не заметил ничего необычного с губами из-за похмелья, когда он проснулся утром, его внимание было приковано к головной боли.

После утренней аудиенции он заявил, что хочет обсудить с Чжао Цзэ дела, на самом деле он

хотел, чтобы кто-то помог ему критически оценить прошения.

Чжао Цзэ теперь был назначен чиновником в личную охрану императора от центрального секретариата*, что было равносильно главному помощнику императора. Намерения Сян Ханя были очевидны, когда он продвигал его на эту должность. Чжао Цзэ изначально был гражданским чиновником, хотя и руководил армией, выступал он под флагом гражданского чиновника. Теперь он еще и внес большой вклад, поэтому неудивительно, что его так быстро продвинули по служебной лестнице.

(*Центральный секретариат или великий императорский секретариат - являлся высшим административным органом империи)

Однако поведение Чжао Цзэ стало еще более почтительным, в нем и намека не было на высокомерие и заносчивость по причине своих больших заслуг.

Через несколько дней Сян Хань тоже заметил эту странность. Он обнаружил, что с тех пор, как Чжао Цзэ вернулся, он стал более отчужденным, чем раньше.

Неужели Чжао Цзэ думал так же, как и придворные, полагая, что он опасается его и со злым умыслом возвышает и осыпает похвалами?

Это плохо. Он шел по пути правителя и придворного, дополняющих друг друга, а не правителя и придворного, друг друга взаимно подозревающих.

Поэтому в тот же день, закончив с документами, он пригласил Чжао Цзэ вместе отобедать, чтобы припомнить о той глубокой дружбе, которая была у них в те дни, когда они вместе противостояли принцу Лян.

Говоря о трогательных чувствах, он невольно схватил Чжао Цзэ за руку и тепло сказал:

— Сановник Чжао, ты не должен обращать внимание на эти беспочвенные слухи, что ходят при дворе. Между нами и тобой ведь не только отношения правителя и придворного, а еще и привязанность учителя и ученика. Мы хорошо знаем о твоей преданности и не никогда не будем строить необоснованных подозрений в отношении тебя. Ты наша правая рука и опора государства, не отдаляйся от нас из-за каких-то слухов.

По правде говоря, в тот вечер в опочивальне Чжао Цзэ убедился, что маленький император не питает к нему никаких подозрений и теперь намерено отдалялся, подавляя свои внутренние желания.

Но когда он увидел белые тонкие пальцы маленького императора, сжимающие его запястье, его невольно начали терзать противоречия, ему захотелось отрезать мешающий рукав, чтобы маленький император касался его кожи.

Сян Хань заметил, что он растерянно молчит, и его сердце ухнуло. «Неужели, они уже отклонились от пути правителя и верного подданного?» — подумал он.

— Сановник Чжао? — неуверенно спросил он, невольно усиливая хватку.

Чжао Цзэ, наконец, пришел в себя, почувствовав, что хватка на его руке усилилась. Он посмотрел на маленького императора и, увидев нервозность в его глазах, не сдержался от улыбки и мягко сказал:

— Никогда, верный слуга всегда будет доверять его величеству.

Увидев, что с его лица сползло почтительное выражение, Сян Хань вздохнул с облегчением, радостно взял кусочек мяса и передал ему, чтобы скрепить их дружбу правителя и придворного. Молодой евнух поблизости, подававший еду и ставший невольным свидетелем, растерялся.

Чжао Цзэ, приняв угощение, подумал о том, что это были палочки для еды, которыми пользовался его величество. И возможно, ярко-красный язык его величества только что облизал их, а теперь он взял ими еду и подал ему...

Он вдруг почувствовал, как горит его лицо, и поспешно опустил голову, положил мясо себе в рот и неторопливо разжевал его, словно мог уловить вкус маленького императора.

После этого разговора к ним вернулась былая близость.

С тех пор Чжао Цзэ часто оставался для обсуждения дел с маленьким императором, а после они вместе ели. Во время утренних аудиенций Сян Ханю достаточно было всего лишь намекнуть взглядом, чтобы Чжао Цзэ понял и горячо поддержал его.

Иногда Чжао Цзэ казалось, что, если не считать того, что придворные просили его величество выбрать наложницу, а мать Чжао часто убеждала его жениться, их нынешнее положение было не таким уж плохим.

Иногда он думал, что было бы здорово, если они так и не женятся, и вот так всегда будут вместе. Но он знал, что это невозможно, маленький император уже прошел через обряд совершеннолетия. Неважно приемлет он женщин или нет, ради страны придворные упрелят его взять наложницу, которая станет императрицей.

Что до него самого, то он еще мог использовать войну в качестве отговорки в последние два года. Но с тех пор, как он вернулся в Чанъань, волновалась не только его мать, даже его отец, который никогда не спрашивал о таких вещах, упомянул об этом несколько раз.

Он мог бы и дальше отвергать эти дела, но маленький император не мог. Ради страны и

династии в конечном итоге он выберет наложницу и родит наследника.

В последнее время министры становились все более настойчивыми, и Сян Хань несколько раз жаловался на это Чжао Цзэ.

Чжао Цзэ каждый раз улыбался, говоря, что министры всей душой отдаются делу, но сердцу его было мучительно горько. Он не знал, как долго он сможет держаться. Возможно, когда маленький император не выдержит натиска и решит пойти на компромисс со своими министрами, он больше не сможет сдерживаться и уйдет.

Он не мог представить, что наблюдает за тем, как император выбирает наложницу ради рождения наследника. В тот день он напишет прошение отправить его обратно на юго-запад. Если он не будет это видеть, быть может, это не будет его терзать.

Чжао Цзэ предполагал, что когда-нибудь маленький император выберет наложницу ради наследника. Предполагал, что когда-нибудь и у него появятся дети. Однако он никогда не думал, что потеряет контроль над собой из-за мужчины.

Через несколько дней пришло сообщение из юго-восточной провинции, что Ло Бай, ушедший в море в поисках новых сельскохозяйственных культур, вернулся. Услышав эту новость, маленький император от волнения выронил кисть, обмакнутую в красную тушь, задрал подол своей одежды и выбежал прочь.

Увидев эту сцену, Чжао Цзэ почувствовал резь в глазах, а сердце его сжалось, будто его схватила невидимая рука.

Его величество так счастлив от того, что Ло Бай вернулся? Возможно ли, что рядом с его величеством за все это время никого не было, потому что он не мог забыть Ло Бая?

Руки Чжао Цзэ, спрятанные в рукавах, задрожали. Он и сам не знал, как он смог сдержаться и не воспрепятствовать маленькому императору и даже спокойно сказал ему:

— Ваше величество, корабль только что пристал к берегу. Господину Ло потребуется не меньше месяца, чтобы прибыть в Чанъань.

— Верно, — Сян Хань импульсивно хлопнул себя по голове, он уже и забыл об этом. Он быстро распорядился: — Пусть по всей дороге на почтовых станциях подготовят хороших лошадей. Мы хотим увидеть сановника Ло как можно скорее.

Глаза Чжао Цзэ потемнели, он сжал кулаки и как бы шутливо сказал:

— Его величество так жаждет увидеть господина Ло. Похоже, господин Ло занимает особое место в сердце его величества.

— Конечно, — без колебаний ответил Сян Хань.

Попкорн, картофель фри, засахаренный батат... он давно об этом мечтал, и еще он давно не ел еду, приготовленную малышом Баем.

Глаза Чжао Цзэ снова потемнели. На ладонях появились следы от ногтей с кровоподтеками.

В тот день, когда вернулся Ло Бай, Сян Хань удалился на пять километров от Чанъяня, чтобы поприветствовать его. Чжао Цзэ сопровождал его, всю дорогу он хранил серьезное выражение, ни на минуту не расслабившись.

Когда послышался топот копыт, взволнованный Сян Хань нетерпеливо встал в императорской повозке и спросил:

— Это ведь сановник Ло и остальные?

Чжао Цзэ крепко сжал кнут и ответил:

— Касаемо вопроса его величества, можно разглядеть только пыль, нельзя быть уверенным.

— Тогда чего ты ждешь? Направь кого-нибудь проверить, — нетерпеливо сказал Сян Хань.

Чжао Цзэ пристально посмотрел на него, затем отдал распоряжение.

Сян Ханя ошеломил его взгляд, ему показалось, что в глазах Чжао Цзэ бушевало слишком много эмоций, отчего ему стало душно и перехватило дыхание.

Но, прежде чем он об этом задумался, вдали появилось знамя, это действительно был Ло Бай со своей компанией. Сян Хань невольно позабыл о странном чувстве, шевельнувшемся в груди, схватившись за поручни, он взволнованно устремил взгляд вдаль. Совсем не замечая, как потемнело лицо Чжао Цзэ.

Спустя три года малыш Бай стал большим Баем и заметно подрос, но не слишком загорел и все еще улыбался, демонстрируя ряд маленьких белых зубов. Увидев, как Сян Хань вышел из императорской повозки, он тут же выпрямился, слез с коня и, приветствуя, опустился перед ним на колени.

Сян Хань поспешил поднять его, схватил за руку и взволнованно спросил:

— Малыш Бай, ты наконец вернулся. Ничего не случилось в пути? Ты нашел новые продукты, которые мы поручили тебе найти?

Ло Бай покорно встал и расплылся в улыбке.

— Ваше величество, верному слуге повезло успешно выполнить поручение.

Чжао Цзэ заметил только, что его улыбка уж слишком ослепительна, не вытерпев, он шагнул вперед, чтобы разрушить «близость» между ними, и поклонился.

— Ваше величество, господин Ло устал с дороги. Почему бы не вернуться во дворец, чтобы дать ему немного отдохнуть, и поговорить обо всем на вечернем банкете?

— Верно, верно, — Сян Хань торопливо закивал и потащил Ло Бая в императорскую повозку. — Мы подготовили банкет по случаю приезда сановника Ло. Сперва вернемся, а поговорим за едой.

Ло Бай поспешно сказал:

— Верный слуга благодарит его величество за щедрую милость.

Чжао Цзэ наблюдал за тем, как они под руку идут к императорской повозке, а в глазах его клубилось что-то темное и неясное.

Оказывается, выехать из города навстречу и усадить в императорскую повозку, такое обращение было не только для него. Оказывается, он вовсе не был особенным в сердце его величества.

Этот Ло Бай ничего не имел, кроме кулинарного мастерства. Он бы не добился нынешнего статуса, если бы в благодарность за спасение жизни не получил внимание его величества.

С какой стати ему дозволено наслаждаться тем, что его величество выехал за пять километров от города, чтобы встретить его? С чего вдруг он принимает то, что его величество перестал обращать внимание на всех после встречи с ним?

В сердце Чжао Цзэ зародилась ревность. Ради династии и страны он был готов скрывать свои чувства и видеть, как маленький император выбирает наложницу, чтобы иметь наследника. Но Ло Бай... он не мог родить его величеству ребенка.

Не отрывая пристального взгляда от двух «сближенных» силуэтов, он не мог отогнать мысли, что, если маленькому императору нравятся только мужчины, почему это не может быть он?

Он ведь тоже когда-то нравился его величеству. Если бы он тогда не повел себя так глупо и не избегал маленького императора, что сейчас было бы с Ло Баем?

<http://bllate.org/book/12631/1120568>